

Э. Й. ГРИНАВЕЦКЕНЕ, Ю. Ф. МАЦКЕВИЧ

НЕКОТОРЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ МИКРОСИСТЕМЫ В ДИАЛЕКТНОЙ СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОГО ГОВОРА ОКРЕСТНОСТЕЙ ОПСА

1. Введение

В 1977 году при обследовании белорусского говора окрестностей Опса¹ в его диалектной структуре (в образовании форм, их акцентуации, а также в семантике и синтаксисе) нами обнаружены нехарактерные для белорусского языка особенности, в какой-то степени выделяющие этот говор из белорусского континуума и дающие основание говорить о проявлении в нем балтийского (в частности литовского) субстрата.

2. Различия в образовании форм склонения и спряжения

а. Преобразование основы существительных

В исследуемом говоре имеются имена существительные женского рода, которые свою нулевую флексию преобразовали в основу на гласный и тем в имен. пад. ед. ч. отклоняются от обычной белорусской системы склонения этих существительных, напр.: *бэлая гуся* (литер. *гусь*), *адна* вашá (литер. *вош*), *а гнідаў німа́*; *вадзяная мышá* (литер. *мышь*) *чорная*. Отмечено также, что употребляемые в говоре русские заимствованные существительные с нулевой флексией равным образом подверглись действующему закону преобразования, напр.: *жы́зняя* (русск. *жизнь*) *слóжная*; *балéзня* (русск. *болéзнь*) *цяшкáя*. Такое преобразование основы существительных женского рода свойственно и некоторым другим белорусским говорам литовского пограничья², а также и изолированным русским говорам Латвийской ССР, кото-

¹ Материалы, используемые в статье, нами записывались в основном в дер. Едловичи (в литовском употреблении *Júodelėnai, Júodlėnai, Júodlanai*) Погощанского с/с Браславского р-на Витебской обл. БССР из уст местных жителей. Кроме того, они дополнялись также и данными диалектной речи соседних деревень — Аксіотава, Авідавичей, Абалішек, Адамянішек (в литовском употреблении — *Ausiutėnai, Eivydėnai, Obuolýkščiai, Adomėniškė*) и др. Отмечено, что в упомянутых деревнях некоторые местные старики еще понимают и говорят по-литовски (их родители и деды в основном говорили по-литовски). Исследование изолированного литовского говора этих местностей см. Grinaveckienė E. Kai kurios Apso tarmės būdingesnės ypatybės. — Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija, 1960 2(9), p. 173—191 (далее — E. Grinaveckienė. Apsas). В настоящее время в связи с постепенным уменьшением численности представителей старшего поколения употребление литовского языка в данной местности заметно сузилось.

² См. Дыялакталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963 (далее — ДАБМ), Карты № 80, 81; Лінгвістычная геаграфія і групоўка беларускіх гаворак. Мінск, 1969 (далее — ЛГГБГ), Карта № 56; Гринавецкене Э. Й., Ковальчук И. П., Мацкевич Ю. Ф., Романович Е. М. Северо-западные белорусские говоры литовского пограничья. — Балто-

рые граничат с литовскими и латышскими говорами³. Данное преобразование основы, по-видимому, произошло по модели балтийских языков, в которых существительные женского рода с нулевой флексией отсутствуют (ср., напр., лит. *ožkà, girià*, лат. *sieva, maize* и исслед. гов. *вашá, гуся*).

б. Преобразование окончаний имён существительных

Имена существительные женского рода с основой на *-a* в дат. пад. ед. ч. в данном говоре своим окончанием отличаются от белорусских говоров и литературного языка⁴. Нами отмечено, что ударным окончанием здесь закономерно бывает *-ой(-ёй)*, безударным *-ай (-яй)*, напр.: *Усып сястрóй крупци мукі; Так б́уду шыць, як пашы́лі Стэфкінай дзяўчы́най; Сёмдзсят sóтак ба́бай даў; Малад́уха падары́ла свякроўкай стан палатна́; Лёня яшчэ́ да́сьць і ма́ткай; У хлявэ́ за́гаратка цялёнку́ і авечка́й; Яні́на пыта́іць, хто ля́лькай сашы́іць пла́ця. А што́ рукой зрабі́лася; Узья́ла хлё́ба, каб да́ць Букётка́й (=кличка коровы); Мо́жа ё́н даў хазя́йкай; Яго́най сястрóй мо́жа мно́га гадóў, але крэ́пкая, яшчэ́ пэ́ліць і свіне́й ко́рміць; Ма́ма траву́ сабіра́іць каро́вай; На́да каро́ўкай заня́сьці по́шару; Як да́лі ба́бы Ста́сяй у ця́лятніку; Уміра́ючы стары́ расказа́ў сваё́й дачко́й і жо́нкай, хто за́біў Кэ́зіка; Забы́лася Лёня́й пахвалі́цца, што́ кактус кві́тніць; На́да пазва́ніць Чэ́сяй, каб пры́шла; Што́ я павя́жэў жано́й пока́заць; Ваду́ ві́лім свіне́й; Паста́ўлю катлы́ свіне́й; Стару́хай до́бра было́, кап бы́ў стары́к; Як улэ́зьць на я́блыні тако́й кяра́плай; Яны́ маё́й ма́май пама́глі.*

Но данная морфологическая особенность, встречаемая в некоторых пограничных белорусских говорах, отдельными исследователями отмечалась уже раньше. Наличие этой особенности в белорусском говоре Браславского района установили и описали собиратели материалов для атласа белорусского языка⁵. Она констатирована также и в белорусском говоре Виленщины (дер. Бражуоле Тракайского района)⁶. В белорусских памятниках XVI—XVII вв. её обнаружил и характеризовал Е. Ф. Карский⁷. Более полно эта

славянский сборник. М., 1972 (далее — Гринавецкене Е. Й. и др., Северо-зап.), с. 379; Гринавецкене Э. Й., Мацкевич Ю. Ф., Романович Е. М., Чеберук Е. И. Нерегулярные явления в фонетике, акцентуации и грамматике белорусских говоров западной зоны. — *Lietuvių arealinės lingvistikos klausimai. Lietuvių kalbotyros klausimai. V.*, 1977, t. 17 (далее — Гринавецкене Э. Й. и др., Нерег.), р. 93—94; ср. также *кішаня́* (литер. *kišáń*) Лоск (Воложинский р-н), *кісія* (русск. *кисть*, белор. литер. *gránka*) Кирали (Щучинский р-н).

³ См. Семенова М. Ф. (составитель). Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР (далее — Семенова М. Ф.). Рига, 1973, вып. 5, с. 18, 23, 69; 1974, вып. 6, с. 8, 22, 62; 1977, вып. 7, с. 7, 26.

⁴ См. Курс сучаснай беларускай мовы. Мінск, 1957 (далее — Курс), с. 43—45; Граматыка беларускай мовы. Мінск, 1962 (далее — Граматыка), с. 67—75.

⁵ См. Нарысы па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1964 (далее — Нарысы), с. 163; Жыдовіч М. А. Назоўнік у беларускай мове. Мінск, 1969 (далее — Жыдовіч М. А.), с. 144.

⁶ См. Картотека Атласа литовского языка, хранящаяся в рукописных фондах Сектора истории и диалектологии литовского языка Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР (ответ 596, 1967 г. на вопрос 285 б, „Программы“), а также Судник Т. М. Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья. — *Baltistica*, 1972, т. 8 (далее — Судник Т. М. Морф.), с. 22, сноска 7.

⁷ См. Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1956, вып. 2—3 (далее — Карский Е. Ф.), с. 162.

особенность освещена в работе Т. М. Судник, где изменение формы рассматривается как результат интерференции литовского языка⁸.

Несомненно, есть основание согласиться с мнением Т. М. Судник о том, что данное окончание могло возникнуть в результате контактирования литовских и белорусских говоров, ср., напр., лит. *raĩkai*, *ãviai* и белор. диал. жонкай, Стáсяй. Однако затруднительно таким путём объяснить ударное окончание *-ой* (*-ëй*) исследуемого падежа (сястрóй, свінëй вместо белор. литер. сястры́, свіні́), так как существительные литовского языка в данном падеже не имеют ударного окончания.

Вот почему мнение Т. М. Судник нуждается в уточнении: литовский язык, в котором отсутствует ударный вариант окончания дат. пад. ед. ч., никак не мог содействовать его возникновению в исследуемом белорусском говоре. Таким образом, приняв за истину, что ударный и безударный варианты этого окончания являются формами общего происхождения, вопрос о степени влияния литовского языка на образование всего интересующего нас окончания (как безударного, так и ударного) оставляет нерешенным. Для решения его необходимо установить, который из двух вариантов окончания (ударный или безударный) является в этом говоре первоначальным. Влияние литовского языка могло проявиться лишь в том случае, если исходным вариантом данного белорусского окончания признать исключительно только безударный. И вот почему. Если бы мы исходным признали ударный вариант, то это означало бы, что происхождение всего исследуемого окончания носит внутриязыковой характер и является результатом развития самого белорусского языка. Таким образом, и формы типа жонкай следовало бы выводить только из архетипа *жонкой. Следовательно, правы были бы в данном случае исследователи, объяснявшие происхождение окончаний *-ай* (*-яй*), *-ой* (*-ëй*) дат. пад. ед. ч. существительных женского рода с основой на *-а* влиянием аналогии имён прилагательных⁹ (ср., напр., да маладóй и да сястрóй; да рóдной и да ма́ткай). Однако в действительности, скорее всего, дело обстоит не так. Последнему мнению явно противоречит нарушение общепринятого для белорусского языка синкретизма форм дательного и местного падежей ед. ч. женского рода: окончание имён прилагательных в обоих падежах одинаковое, а имён существительных — различное (ср., напр., *прывязла́ маéй рóдной сястрóй* и *паядзём на зялёнай паля́нкі*). И до сих пор никем не выяснено, почему аналогия коснулась только дат. пад. имён существительных с основой на *-а* женского рода. Это обстоятельство и послужило веским аргументом для Т. М. Судник считать действие аналогии в данном процессе не убедительным¹⁰. Кроме того, примеры исследуемого говора: Адно́й¹¹ *надаéла жыць*; Плямя́ніцэ́й *даў на даро́гу* и др., на наш взгляд, говорят о том, что окончание *-ëй* данных имен существительных тоже вряд ли может быть славянским, так как своим звучанием оно тождественно литовскому *-ai*, произносимому носителями белорусского языка, напр.: *ва́йкэ́й* (= *vaikai*

⁸ См. Судник Т. М. Морф., с. 19–22.

⁹ Ср. Карский Е. Ф., с. 162; Нарысы, с. 163; Жыдовіч М. А., с. 144.

¹⁰ См. Судник Т. М. Морф., с. 19.

¹¹ В белорусском языке данная форма известна только с окончанием *-ой*: *адно́й*, см. Курс, с. 123.

‘дети’), *вэйкишчаць* (= *váikščioti* ‘ходить’). Таким образом, первый толчок к образованию этого белорусского окончания, несомненно, принадлежит межъязыковому фактору — влиянию морфологии литовского языка. Из-за тесных контактов литовского и белорусского говоров в этом языковом ареале¹² безударное окончание дат. пад. ед. ч. *-ai* литовских существительных проникло в белорусский говор, ужилось в его системе. А далее, перенятое с литовского языка окончание, уже под давлением общепринятой системы акцентуации белорусских существительных женского рода с основой на *-a* в ед. ч.¹³ превратилось в белорусское и стало двояким — безударным и ударным в зависимости от того, к какому типу акцентуации относится существительное. И таким оно сохранилось до настоящего времени.

Следовательно, фактический диалектный материал свидетельствует о том, что данное окончание в белорусском говоре возникло под влиянием литовского языка, поскольку в настоящее время мы не имеем оснований предполагать действие каких-либо других факторов.

Из приведенных выше диалектных данных следует, что в говоре широко используются синтаксические конструкции беспредложного датива назначения, такие как *Траву сабіраіць каровай*; *Загаратка авёчкай*. А для других белорусских говоров такой беспредложный датив сравнительно редок и употребляется лишь как вариант его предложных конструкций. И вообще для белорусского (как и русского) синтаксиса конструкция беспредложного датива назначения является мало характерной и распространена в основном только в белорусских говорах западной зоны¹⁴. В литовском же языке беспредложный датив в указанном значении является общеупотребительным (напр., *Veįšiui pàdavė gėrti* ‘понёс пойло для теленка’; *Āviai užtvėrė gařdą* ‘сделали загородку для овечки’ и т.п.)¹⁵. И такая синтаксическая модель, по-видимому, могла проникнуть в систему белорусского говора и образовать в ней прямые кальки упомянутого типа (ср., напр., *Траву сабіраіць каровай*, белор. литер. *Траву сабіраіць для каровы*, лит. *Žoliąju kárgvei*; *Пастаўлю катлы свінёй*, белор. литер. *Пастаўлю для свіні*, лит. *Ūžkaičiau kiaūlei* и т.п.).

В говоре зафиксированы нами и конструкции беспредложного датива направленности действия, такие как *Собака хоп за грўдзі сястроў хазяйкай*, на месте которых в других белорусских говорах и литературном языке употребляется конструкция винительного падежа (*Собака хоп за грўдзі*

¹² Ср. Е. Grinaveckienė. *Apsas*, p. 173—174; Судник Т. М. Морф., с. 19 и сл.

¹³ Важно отметить, что в единственном числе во всех падежах ударение имён существительных в белорусском языке всегда неподвижное, устойчивое. Оно постоянно (во всех падежах) падает или на корень (*ма́тка*), или на окончание (*рука́*), или на суффикс (*даро́га*), см. Курс, с. 53; Граматыка, т. 1, с. 151—159.

¹⁴ См. ДАБМ, Карты № 65, 66, 223; Мяцельская Е. С. Беспрыназоўнікавыя канструкцыі беларускіх народных гаворак. — *Беларуская мова і мовазнаўства*, Мінск, 1975, с. 85—86; Сивицкене М. Некоторые вопросы изучения островных говоров. — *Kalbotyra*, 1963, t. 8 (далее — Сивицкене М., *Вопр.*), р. 11; Шулене О. К вопросу о беспредложных сочетаниях в русском говоре Зарасайского района Литовской ССР. — *Kalbotyra*, t. 8, р. 25—30.

¹⁵ См. *Lietuvių kalbos gramatika* (далее — LKGr.). V., 1965, t. 1, р. 193; 1976, t. 3, р. 463—464.

сястру́ хазя́йку). Они опять-таки явные кальки синтаксиса литовского языка (ср. *Šuõ kápt už krūtínės sēseriai šeiminiñkei*).

Все эти беспредложные конструкции дательного падежа, проникшие в систему белорусского синтаксиса данного языкового ареала из литовского и ставшие его собственностью, являются, на наш взгляд, неопровержимым доказательством того, каким путем в его морфологию мог проникнуть (и проник) один из элементов литовской морфологии — окончание *-ai* дат. пад. ед. ч. существительных женского рода.

Языковые материалы исследуемого говора таят в себе и данные, на основе которых создается возможность в какой-то мере выяснить причины проникновения литовских элементов в белорусскую диалектную систему. Нами установлено, что исследуемому говору совершенно незнакомо общепринятое для белорусского языка переходное смягчение задненёбных *g, k, x* в *z, c, s* в местн. пад. ед. ч., напр.: *Ёхалі па лóнкi*; *Хадзіла па сцёшкі*, *Пабрыдзі́м па рэ́чкі*; *Мы праходзі́м рэ́чку* па клáткі; *Пасядзём на паля́нкі*; *Раз'ёхаліся* на разві́лкі; *Хóдзіць* па страхі; *Стаіць* на нагі; *У нас у вёскі* магазы́н¹⁶.

Переходное смягчение задненёбных *k, g, x* в местн. пад. ед. ч. отсутствует и в некоторых других белорусских говорах литовско-белорусского пограничья¹⁷. Таким образом, отсутствие переходного смягчения задненёбных в местн. пад. ед. ч. и новое окончание дат. пад. ед. ч. существительных женского рода с основой на *-a* и являются убедительным показателем того, что как фонетическая, так и грамматическая системы исследуемого нами говора формировались сравнительно поздно (по крайней мере, уже после переходного смягчения задненёбных), под сильным влиянием окружающей литовской среды (не все словообразовательные модели и конструкции славянские). Вышеупомянутые причины и сыграли, как нам представляется, решающую роль в становлении современной системы исследуемого говора.

в. Трансформация в категории рода

В исследуемом говоре, как и в некоторых других белорусских говорах белорусско-литовского пограничья¹⁸, имеются отклонения от обычных норм распределения имён существительных по грамматическим родам. Некоторые чаще употребляемые существительные относятся к тому роду, к какому относятся их соответствия в соседних литовских говорах. Поэтому здесь сравнительно меньше существительных среднего рода. Они трансформировались в имена существительные двух остальных родов — мужского и женского. Распределение существительных по грамматическому роду, как показывают многие примеры, часто находится в прямой зависимости от литовского языка:

¹⁶ В приведенной парадигме Т. М. Судник (Морф., с. 19) местный п. ед. ч. подает в другой форме. Нам такие формы зафиксировать не удалось.

¹⁷ См. ДАБМ, Карты № 65, 66.

¹⁸ См. E. Grinaveckienė, J. Mackevič. Keletas lietuvių kalbos morfologinės interferencijos vakarinėse baltarusių tarmėse reiškinių. — Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, A Serija, 1975, t. 4(35) (далее — E. Grinaveckienė, J. Mackevič), p. 187–189; Гринавецкене Э. Й. и др. Нерэг., с. 94; ср. еще Арашонкава А., Мацкевич Ю. Аб беларускіх дыялектных рысах заходняга пагранічча. — *Slavia Orientalis*, 1968, Rocznik 17, Nr. 3, p. 278. Данная особенность характерна и для русских говоров Латвийской ССР, см. Семёнова М. Ф., вып. 7, с. 77, 90.

если данное существительное в литовском говоре относится к мужскому роду, то и в белорусском говоре оно обычно относится к мужскому роду, а если там оно женского рода, то и здесь оно чаще всего относится к женскому роду, напр.: (средний род трансформировался в женский). *У яё во́ка бла́гая*; *Гля́ніць во́кай* (ср. белор. *во́ка бла́ге, гля́ніць во́кам*, лит. *akis*); *У нядзэ́лю бы́ла мя́са дзэ́шавая* (ср. белор. *мя́са бы́ло*, лит. *mėsà*); *Я сабе́ якúю пла́ццю купі́ла* (ср. белор. *яко́е пла́цце*, лит. *suknià, suknièlè*); *Бальшу́ю ста́ду пагна́лі каро́ў* (ср. белор. *вэ́лькае ста́да*, лит. *bandà*); *Панясу́ по́йлу ця́лёнку* (ср. белор. *густо́е по́йла*, лит. *buzà*); *Памяло́й мялі́ у пэ́чы* (ср. белор. *памяло́м*, лит. *pušinė, pėščluostè*); (средний род трансформировался в мужской) *Забурбу́ляў (=скис) мой пі́ва* (ср. белор. *маё́ пі́ва*, лит. *alus*); *Цяшкі́ вядро́, чуць пры́ясла́* (ср. белор. *цяшко́е вядро́*, лит. диал. *viėdras*, литер. *kibiras*).

По примеру литовского языка трансформация имеет место и между мужским и женским родами. Некоторые существительные женского рода в говоре относятся к мужскому роду, напр.: *Грысь пашо́ў у сярэ́дзину* (ср. белор. *грысь паши́ла*, лит. *grįžas*); *Як даў з носа́ кроў* (ср. белор. *дала́ кроў*, лит. *kraujas*); *Грась апа́ў у вядро́* (ср. белор. *грась апала́*, лит. *duĩblas*); *А дзе мой абро́ць*; *Ишо́ў з абры́цём* (ср. белор. *ма́я абро́ць*, лит. *arūnasris, brizgilas*), а некоторые мужского трансформированны в существительные женского рода, напр.: *Асатá азірна́я калю́чая* (ср. белор. *асо́т калю́чы*, лит. *usnis*, диал. *usnià*); *Яго́ тарфо́й абня́сло́* (ср. белор. *торф*, лит. *dũrpè*); *Шчура́ скрэ́біцца* (ср. белор. диал. *шчур*, польск. *szczur*, лит. *žiũrkè*).

При исследовании категории рода иногда возникает впечатление, что распределение существительных по грамматическим родам в говоре колеблется, не является прочно установившимся. Так, например, встречаются случаи, когда переход существительных среднего рода в другие грамматические роды не всегда находится в прямой зависимости от литовского языка, а происходит под давлением белорусской языковой системы при постепенном изменении её грамматической категории рода, при упрощении её и переходе от трех грамматических родов к двум — мужскому и женскому. Так некоторые существительные среднего рода (иногда новые для говора), окончания которых в имен. пад. ед. ч. по фонетическому облику близки существительным женского рода, переходят в женский род¹⁹, напр.: *Сі́тка густо́я* (ср. белор. *сі́тка густо́е*, лит. литер. *siėtas*, диал. *sietà*); *Жы́ця ця́шкя́я* (ср. белор. *жы́цце ця́шко́е*, лит. литер. *gyvėnimas*, диал. *buitis*). *Я яшчэ́ табе́ чу́ду скажу́*

¹⁹ Ср. Сивицкене М. Об особенностях родового оформления имён существительных в русских говорах Литовской ССР. — Труды прибалтийской конференции 1968 г. Тарту, 1970, с. 67 (и указанную там литературу). Подобное исчезновение категории среднего рода существительных наблюдалось нами в 1977 году и в белорусском говоре окрестностей Скрудалена (Латвийская ССР, Даугавпилесский р-н), непосредственно контактирующем с соседним литовским, напр.: *Адну́ пярú апскуба́іць і пярóй зодзі́ць* (ср. белор. *адно́ пярó*, лит. *plũkсна*, лат. *spalva*); *Яка́я ей́ мучэ́ня* (ср. белор. *яко́е мучэ́нне*, лит. *kančią*, лат. *tokas, ciešanas*); *Адна́ балóта тут бы́ла* (ср. белор. *адно́ балóта*, лит. *balà*, лат. *purvs*); *Адкúль уся́ лі́ха узя́лася*; *Адна́ лі́ха зі́м* (ср. белор. *адно́ лі́ха*; лит. *blogybė*, лат. *launims*). Оно отмечено нами также и в белорусских говорах Литвы, напр.: *Каро́ва не пільно́я ста́ды* (Гемзай, Шальчининский р-н); *Ця́лятам да́лі пóйлы* (Малькунай, Игналинский р-н); *Ма́я пра́ва бы́ла э́хаць* (Стракишкяй, Тракайский р-н).

(ср. белор. *чўда велькае*, лит. *stebùklas*). У нас тут кінó была́ (ср. белор. *кінó было́*, лит. литер. *kinas*, диал. *kinà*); Зварыла бацьвіню́ (ср. белор. *бацьвінне густо́е*, лит. диал. *batvìniai*).

В говоре также встречаются существительные мужского и женского родов с непривычным для них окончанием -о (поўны вядро́, была́ кінó)²⁰. Между тем, некоторые существительные мужского рода, ставшие существительными женского рода, приобрели соответствующие окончания (асата́, тарфа́).

г. Различия в категории числа имен существительных

В редких случаях отмечено, что число некоторых имен существительных говора (обычно, когда имеются в виду сорта растений) уподоблено числу соответствующих существительных литовского языка. Таким образом, вместо привычных для славянских языков форм единственного числа употребляются формы множественного числа, напр.: *Рас вішняў прынёс* (ср. белор. *вішні прынёс*, лит. *vũšnios*, лат. *kirši*); *На́да лёны рваць* (ср. белор. *лён*, лит. *linai*, лат. *lini*); *На́да бўльбы памыць*; *Засо́хшы бўльбы* (ср. белор. *бўльба*, лит. *bùlvės*, лат. *kaŗtupelī*); *Пёчані мне баліць* (ср. белор. *ма́я пёчань*, лит. *kẽpenys*, *jãknos*, лат. *aknas*). Аналогичное явление характерно и для некоторых других белорусских говоров литовского пограничья²¹. Оно известно и в грамматике изолированных русских говоров Даугавпилсского р-на (Латвийская ССР)²², тесно соприкасающихся как с литовскими, так и с латышскими говорами. Данное изменение в грамматике исследуемого белорусского говора и указанных русских говоров, по всей вероятности, является результатом влияния балтийских языков.

д. Различия в категории числа глаголов

В области глагольного формообразования парадигма настоящего времени отличается неразличением форм 3 лица единственного и множественного чисел. Форма 3 лица мн. ч. в говоре вовсе отсутствует, а её функцию выполняет форма 3 лица ед. ч.²³, напр.: *Тру́сы любіць маркбу́нік*; *Парсюкі любіць сэмячкі*; *Зна́лі, што там кумпякі вісіць*; *Дахі рэ́зали, дзе кумпякі вісіць*;

²⁰ Подобная ситуация в данном случае отмечена и в латышском языке в употреблении некоторых иностранных слов, напр.: *lielais auto, labs kino*.

²¹ Ср. Е. Grinaveckienė, J. Mackevič, p. 189.

²² См. Семенова М. Ф., вып. VII, с. 40, 48, 58, 73.

²³ Данное явление характерно и для других белорусских говоров белорусско-литовского пограничья, а также для изолированных русских говоров Литовской и Латвийской ССР, см. Е. Grinaveckienė. *Lietuvių ir slavų kalbų gramatinio kontaktavimo reiškiniai pietryčių Lietuvoje*. — *Lietuvių kalbos gramatikos tyrinėjimai. Lietuvių kalbotyros klausimai*. V., 1969, t. 11 (далее — Е. Grinaveckienė. *Kont.*), p. 225; Гринавецкене Е. Й. Некоторые явления контактирования литовских и славянских говоров (На материале языковых контактов в юго-восточной Литве). — *Балто-славянский сборник* (далее — Гринавецкене Е. Й. Некоторые явл.), с. 404—405; Судник Т. М. Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья. — *Балто-славянские исследования*. М., 1974 (далее — Судник Т. М. Из морф.), с. 215—218; Сивицкене М. К. Об одном случае морфологической интерференции (на материале русско-литовского диалектного контактирования). — *Филологические науки*, М., 1974, № 6, с. 95—100; Е. Grinaveckienė, J. Mackevič, p. 190; Семёнова М. Ф., вып. VII, с. 60.

Бўрбалкі (= пузыри) ідзець *у верх*; *Бацька* здзецяняўшы, *дзеці* яго не бярэць; *Маё дзеці* застаіцца *малыя*; *Гаратныя коні* ідзець *да рук*; *Апёнкі* расцець *кўчамі*; *Як мне ногі* баліць; *Сон змарыў*, жмурыцца *вочы*; *Ну і вочы* баліць; *Кўры* кάρкаіць, бўдзіць *нясіця*; *Кўры* купайцца *у пяскў на дошч*; *Кўры* ходзіць *как дошч ліець*; *Дзеці* калышыцца *у люнах* (= трясинах), размяшаіць *бузў гэтую*; *Дзяшэрныя* (= толстыя) *кшкі* не скрябэцца; *Брынды* (=кружева) прышываіцца *да сукёнкі*; *Цынцалі* (= обтрепанные края одежды) балтаіцца — *нераха*; *Бызаўкі* (= оводы) кусаіцца — *неможна падаіць*; *Пімпы* (=чибисы) крычыць *гіві гіві — чы жывыя*; *Табé нэрвы* апспакóіцца; *Толькі слэзы сыпіцца* *як гарóх*; *Мужыкі* прывязэць *віткаў і паліць*, *а шум* (= мусор) выно́сіць *на гарод*; *Нашоў баравік*, *а чэрві там аж гніжыць*; *Праз бóкі* вьлэзіць *грóшы*.

Данная особенность является несомненным доказательством влияния глагольной категории числа литовского языка, так как для 3 лица ед. и мн. чисел в нем всегда используется только одна специфическая форма, по своему происхождению являющаяся тоже формой 3 лица ед. ч.²⁴, напр.: *jìs, jì, jìẽ, jòs eĩna, tỹli, rãšo* 'он, она идет, молчит, пишет; они идут, молчат, пишут' и т. п. Употребление данной формы точно так, как она употребляется в литовском языке, свидетельствует о том, что семантика её в исследуемом говоре сохранилась прежней, а она сама еще не славянизировалась. Отмечено, что в говоре она является всеобщей и типичной для всех носителей говора, включая и тех, которые сами, как и их родители, не говорили по-литовски.

3. Различия в акцентуации морфологических парадигм

а. Перемещение ударения существительных

Для многих существительных с основой на *-а* в говоре характерно перемещение ударения на флексию в формах единственного числа²⁵, напр., (в имен. пад. ед. ч.) *Скурá жбóтая*; *Дзюрá на кóміне*; *Дзюбá у птáшак*; *Мухá укусіла*; *Кульшá баліць*; *Панчахá парвалáся*; *Выгадá цябé раз'эла* (ср. белор. литер.: *скўра, дзўба, мўха, кўльша, выгóда, панчóха*); (в косвенных пад. ед. ч.) *Нáда палажыць афяру́*; *Кульшў́ вьвярнула*; *Кот злавіў мухў́*; *За мухóй пагнаўся*; *Сукёнку пашыла у палавіну лыткі* (ср. белор. лит. *афяра, лытка*).

Как мы предполагали раньше²⁶, по всей вероятности, это явление субстратное, унаследованное из литовского языка, ср. аналогичную акцентуационную модель имен. пад. ед. ч. и древних литовских окситонов женского

²⁴ См. J. Endzelynas. *Baltų kalbų garsai ir formos*. V., 1957, p. 161.

²⁵ Ср. J. Mackiewicz, E. Romanowicz. *Przykłady różnic akcentowych w dzisiejszych dialektach białoruskich*. — *Slavia Orientalis*, Rocznik XV, 1966, Nr. 1 (далее — J. Mackiewicz, E. Romanowicz), p. 81–85; Силицкене М. Семантические особенности употребления славянских лексических заимствований на материале изолированного литовского говора (БССР, дер. Мальковка Могилевской обл.). — *Kalbotyra*, V., 1963, t. 6, p. 99–100.

²⁶ См. Гринавецкене Э. Й. и др. *Нерег.*, с. 92–93.

рода: *ožkà* 'коза', *naudà* 'польза', *salà* 'остров', *uodegà* 'хвост'. Однако приведенная акцентуация косвенных пад. ед. ч. этих существительных уже чисто белорусская с выравниванием неподвижного ударения во всей парадигме ед. ч.²⁷, ср. лит. *galvà* 'голова', *galvõs* 'головы', но *gálvai* 'голове', *gálva* 'голове'... и белор. (как исследуемого говора, так и литер. языка) *дзюба́*, *дзюбы́*, *дзюбо́й*, *дзюбу́*... Итак, литовский язык в данном случае послужил начальным толчком лишь при образовании исследуемой акцентуационной модели имен. пад. ед. ч. В этом его решающая роль. Важно отметить, что в белорусском говоре до того должны были иметься все предпосылки, обусловившие и вызвавшие такое влияние. Его фонетическая структура должна была быть полностью сходной с литовской и в равной мере, как и она, находиться под действием закона Соссюра—Фортунатова, имеющего место в литовском языке. Словом, при произношении она должна была звучать точно так, как и литовские слова типа *šakà* 'ветвь', *galvà* 'голова', *skepetà* 'платок' или как его заимствования из славянских типа *skūrà* 'шкура', *stūdnìà* 'колодец', *žèbà* 'лягушка', *kladoukà* 'кладовка' и др.²⁸ А в исследуемом говоре, следует отметить, так и было: по сей день при произношении слов, принадлежащих указанной акцентуационной модели, полностью сохраняется количество предударного слога, напр.: *ску:ра́*²⁹, *дзю:ба́*, *дзю:ра́* и т. п.³⁰ Отсюда следует, что исследуемая акцентуационная модель говора формировалась в недрах литовского говора и в самом начале была сходной с соответствующей акцентуационной моделью литовского языка, а впоследствии лишь лексическое значение слов, принадлежащих этой акцентуационной модели, было переведено на белорусский при полном сохранении литовской акцентуации. В дальнейшем выравнивание парадигмы акцентуации проходило уже в белорусской среде и подчинялось её законам.

б. Перемещение ударения прилагательных

Установлено, что большинство имен прилагательных говора подчиняется непривычному для белорусского языка типу акцентуации с перемещением ударения на последний слог как в имен. пад. ед. ч., так и во всей парадигме, напр.: *бліскі́*, *брыткі́*, *буйны́*, *вускі́*, *гаратны́*, *гразны́*, *дзікі́*, *жырны́*, *зімавы́*, *зімны́*, *касы́*, *курны́*, *ледавы́*, *пудава́*, *слабы́*, *сліскі́*, *чарны́* и др. при обычной литер. форме *бліскі*, *брыткі*, *буйны*, *вўскі*, *гаро́тны*, *гра́зны*, *дзікі*, *жы́рны*, *зімо́вы*, *зімны*, *ко́сы*, *ку́рны*, *ледо́вы*, *пудо́вы*, *сла́бы*, *сліскі*, *чо́рны* и др.³¹ В парадигме приведенные выше прилагательные также с флективным ударением, напр.: *зімны́* (имен. и вин. п. ед. ч.), *зімно́га* (род. п. ед. ч.), *зім-*

²⁷ См. Курс, с. 53; Граматыка, т. 1, с. 151—159.

²⁸ Ср. Гринавецкене Е. Й. Некоторые явл., с. 400. О том, что литовской акцентуационной модели подчиняются лишь заимствования, принадлежащие определённому типу склонения, свидетельствует акцентуация неизменяемых славянских заимствований, употребляемых в литовских говорах, напр.: *kiba* (<белор. *xiba*), *nāta* (<белор. *на́дта*) и др. (вместо ожидаемых **kibà*, **natà*).

²⁹ Двоеточие, следующее за буквой, обозначает долготу гласного.

³⁰ Ср. Гринавецкене Е. Й. Некоторые явл., с. 404; Гринавецкене Е. Й., Мацкевич Ю. Ф. Литуанизмы в белорусских говорах Гродненщины. — *Aktuāli dialektoloģijas jautājumi. Zinātniskas konferences materiāli. Rīgā, 1973*, с. 32.

³¹ Ср. Курс, с. 119—120; Граматыка, т. 1, с. 243—245; ДАБМ, Карты № 197—199; J. Mackiewicz, E. Romanowicz., p. 89—90.

но́му (дат. п. ед. ч.), *зімні́м* (твор. п. ед. ч., дат. п. мн. ч.), *аб зімні́м* (мест. п. ед. ч.), *зімні́я* (имен. и вин. п. мн. ч.), *зімні́х* (род. п. мн. ч.), *зімні́мі* (твор. п. мн. ч.), *аб зімні́х* (мест. п. мн. ч.).

Отмечены следующие формы прилагательных с флективным ударением: (в ед. числе мужск. р.) *Брыткі ён: нізко́га рóсту; Вускі па́лец; Дзікі каба́н; Зімні́ быў дзень; Бўдзіш касы́; Клянавы́ жук гудзі́ць; Сільны́ ве́цяр; Слабы́ конь; Сліскі́ лядо́к; Чарны́ рак;* (ед. ч. женск. р.) *Ксп вузку́ю сукёнку не рабі́ць; Бро́ня— гаратна́я ба́ба; Даро́га гразна́я; Жырна́я куця́ пе́рад Но́вым го́дам; Во́сінь зімна́я; Зімна́я вада́; Зімну́ю бўльбу бўдзіш есць; Курна́я ха́та і дзюра́ на ко́міні; Ёсць плóтка лядава́я; Ніска́я ха́та была́; Даўне́й была́ лўпка пудава́я і карзі́нка; Даро́га сліска́я, мы валя́ліся;* (в формах мн. ч.) *Яблыкі́ буйны́я; Гаратны́я дзеці́; Веснавы́я дні доўгі́я; Жырны́я свіні́; Курны́е ха́ты былі́.*

Данное перемещение ударения, так или иначе, — явление по существу более позднее. Его вполне можно считать существенным диалектным признаком маргинальных зон чисто славянского происхождения, так как подобные акцентные расхождения в какой-то степени характерны и для маргинальных зон других славянских языков³². В связи с тем, что белорусский говор на данной территории формировался сравнительно поздно и является новым, указанное маргинальное акцентное выравнивание не может быть вторичным, т.е. чисто внутриязыковым. Этому прежде всего противоречит полное отсутствие времени для подобных перемещений. Так как исследуемый белорусский говор формировался здесь в тесной взаимосвязи с контактирующим литовским, есть некоторые основания предполагать в данном случае действие аналогии просодической системы имен прилагательных с оснсами на *-и, -і, -а* литовского языка, послужившей первым толчком для образования акцентуационной модели с ударением, перемещенным на окончание в формах прилагательных имен. пад. ед. ч. (ср. *riebùs — жырны́, slidùs — сліскі́; riebi — жырна́я; juoda — чарна́я* и т.п.). Но в дальнейшем выравнивание акцентуации всей парадигмы уже по своему характеру чисто белорусское, так как данные прилагательные уже подверглись давлению системы акцентуации белорусского прилагательного.

4. Калькирование некоторых семантических моделей

а. Калькирование косвенно-возвратного (дательного) значения возвратных глаголов

В определенных случаях в говоре возвратная частица *-ся (-ца)* глаголов своим значением и синтаксическими отношениями к другим словам по существу отличается от той же частицы в белорусском³³ и в др. славянских языках. Как и в литовском языке, здесь она сохраняет весьма яркое значение не только

³² Ср. Колесов В. В. Просодические диалектные признаки в истории русского языка. — Вопросы языкознания, 1974, № 1., с. 77–80.

³³ Ср. Судник Т. М. Из морф., с. 218–219; Курс, с. 145–149; Граматыка, т. 1, с. 305–307.

древней энклитической формы местоимения винительного, но и дательного падежа³⁴. А именно, косвенно-возвратным значением дательного падежа, указывающим, что действие возвратного глагола выполняется „для себя“. Таким образом, возвратная частица *-ся (-ца)* выпадает из славянского языкового континуума, так как в этих языках (в частности, в белорусском, русском) это значение выражается возвратным местоимением „себе“³⁵. Возвратные глаголы с таким значением в этом говоре, как и в литовском языке³⁶, остаются переходными, напр.: *На́да ісці ва́нны прынясці́ся* (ср. белор. *прынясці́*, лит. *atsinēsti*) *і пабяліць плот*; *На́да прынясці́ся бўльбы*; *Прынясла́ся* (ср. белор. *прынясла́*, лит. *atsinešė*) *у кўхні ўксуса*; *Я прынясу́ся* (ср. белор. *прынясу́*, лит. *atsinēšiu*) *самá вадзі*; *Грыбоў прынясу́ся*; *Прынясу́ся газэціну*; *Іду́ і нясу́ся* (ср. белор. *нясу́*, лит. *nešiuosi*) *гэтыя часы*; *Хо́чаш — за бялі́ся* (ср. белор. *забялі́*, лит. *užsibáltink*) *смята́нкай*; *Чалавэ́к зрабіўся* (ср. белор. *зрабіў*, лит. *pasidārė*) *сабэ́ труну́*; *Усёраўна зраблю́ся* (ср. белор. *зраблю́*, лит. *pasidarýsiu*) *сабэ́ што*; *Купі́лася* (ср. белор. *купі́ла*, лит. *pusipirkau*) *сукэ́нку*, *а ты бяры́ яé і нясі́ся* (ср. белор. *нясі́*, лит. *neškis*); *Грыбы́ звары́ла, заўтра падагрэ́емся* (ср. белор. *падагрэ́ем*, лит. *pasišildysime*) *і з’ядзём*; *я то́лькі улію́ся* (ср. белор. *улію́*, лит. *įsipilsiu*) *і з’ем*; *Звары́лася п* (ср. белор. *звары́ла п*, лит. *išsivirtum*) *ты самá бўльбу*; *Яна́ узяла́ся* (ср. белор. *узяла́*, лит. *pasietė*) *грóшы*; *Узяўся* (ср. белор. *узяў*, лит. *pasietė*) *падпі́нку і пашоў вéшацца*; *Пятуха́ зарэ́зацца* (ср. белор. *зарэ́заць*, лит. *pasipjauti*) *на́да*; *Мары́ся павяла́ся* (ср. белор. *павяла́*, лит. *pusivedė*) *кароў*; *Налажы́лася* (ср. белор. *налажы́ла*, лит. *įsidėjau*) *мно́га бўльбы*; *Вот што я прыду́малася* (ср. белор. *прыду́мала*, лит. *susigalvojau*); *Напьякла́ бліноў, будзям мака́цца* (ср. белор. *мака́ць*, лит. *dažysimės*); *Вот відзіш, ско́лкі му́хаў напусці́ліся* (ср. белор. *напусці́лі*, лит. *prisilėidome*).

Как явствует из наших наблюдений, косвенно-возвратное значение возвратной частицы *-ся (-ца)* широко известно и в некоторых белорусских говорах Литвы (Игналинский р-н, дер. Малькунай, Шальчининкский р-н, дер. Гемзай).

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что белорусский аффикс *-ся(-ца)* приобрел в данном случае новсе, косвенно-возвратное дативное значение, переняв его, несомненно, из литовского путем калькирования и тем расширил объем семантики белорусских возвратных глаголов. Новое его значение является свидетельством того, что калькирование происходит на субстратных основах семантики литовского языка.

³⁴ Следует отметить, что значение возвратной частицы *-ся(-сь)* в славянских языках (в частности в русском) восходит только к винительному падежу энклитической формы местоимения, см. Мустейки с К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. В., 1972, с. 172.

³⁵ Ср. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960, т. 2, с. 388.

³⁶ Ср. LKGr. V., 1971, t. 2, p. 189–190, 192–195.

б. Калькирование значения и форм составного сказуемого

В исследуемом говоре, как и в некоторых других белорусских, а также изолированных русских и польских говорах³⁷, широко распространено составное сказуемое, выраженное сложной временной формой, состоящей из спрягаемой формы вспомогательного глагола *быць* (настоящего или прошедшего времени, или сослагательного наклонения) и действительного причастия совершенного вида прошедшего времени (форма настоящего времени вспомогательного глагола *быць* всегда пропускается), напр.: *Што-та быўшы тут; Я усяго відзеўшы; Яна і дзеўкай дурнеўшы, калі вблябілі; Я калыпаўшы іх; Анька ужó кóнчыўшы рабóту; Электрычка запаздаўшы; Яны паехаўшы у касцёл; Мальцы прышоўшы і сідзіць; У самай локці пераламаўшы рúку; Гáдзіна не была акаціўшыся; Меня былі бабы у бальніце навучыўшы; Я была атышоўшы; Ён быў прыехаўшы; Мы былі прынёшы грыбóў; Я была нарабіўшы; Мóжа я і не была п ямú шчáсця прынёшы; Кап сказаўшы, я не была п паехаўшы і падышоўшы; Што было п (= Что могло бы быть), каб я не была п яго нашоўшы; І я была п гадзюку відзеўшы; Што было п, кап я не была б разбудзіўшы; А так былі п акт застаўляўшы; Мама была п і ко́жу спусціўшы, калі я краўшы; Кап мы былі п выстраліўшы, то нас былі п і пабіўшы; Быў бы у машыну сёўшы і паехаўшы; Кап я ту бумáшку узяўшы, не была б прызнаўшы; Каб не нрáвіўся, не быў бы браўшы.*

Функцию вспомогательного глагола иногда выполняют и вышеуказанные формы глагола *мець* 'иметь', напр.: *Я маю паткóву прынёшы; Я маю блíноў напéкшы; Ён меў яе за жóнку браўшы.*

При обозначении не совсем верного, мнимого, услышанного из третьих уст действия сказуемое состоит из двух причастий совершенного вида прошедшего времени: глагола *быць* и глагола, обозначающего само действие, напр.: *Ён і не быўшы выпіўшы; Яны быўшы атышоўшы; Яна быўшы навязáўшы.*

Для белорусского языка (как и для других славянских языков) данные морфологические модели в настоящее время не являются характерными; вместо них употребляются видовые формы. В исследуемом же говоре указанные модели общеприняты и продуктивны.

Так как данный белорусский говор в этой местности не является исконным и формировался на субстрате литовского языка, модели такого составного сказуемого вряд ли могут быть унаследованными из славянской древности. Скорее всего, они могли возникнуть путем калькирования соответствующих моделей литовского языка, ср.: *Aš esù visko mātēs* (= я всего видел, букв. я всего видевши); *Aš buvau padāriusi* (= я сделала, букв. я была сделавши); *Gál ir aš būčiau jám laimēs neatnēšusi* (= может быть, и я не приносила бы ему счастья, букв. может, и я не была б ему счастья принёсши); *Jis nebūvēs išgēręs* (= он не был выпивший, букв. он не бывши выпивши) и мн. др.³⁸

³⁷ См. ДАБМ, Карта № 205; ЛГГБГ, Карта № 59; Гринавецкене Е. Й. Некоторые явл., с. 407; Немченко В. Русские старожилы Литвы и их говоры. — *Kalbotyra*, 1963, т. 7, р. 82; Паршута Ю. М. Употребление деепричастия на -szy, -wszy в роли сказуемого в польском говоре Вильянского района Латвийской ССР. — *Kalbotyra*, т. 8, р. 80–86.

³⁸ См. LKGr., т. 2, р. 144–159; т. 3, р. 318–321; также Е. Grinaveckienė. *Kont.*, р. 227.

в. Калькирование некоторых синтаксических моделей

В говоре широко употребляются генетивные словосочетания принадлежности, порядок слов которых точно такой же, как и в литовском языке³⁹, напр.: Ёвы мужыка́ (ср. лит. *Ievõs vûra*, белор. *мужыка́ Ёвы*) *нёмцы за-стрэлілі*; Кю́сця брат там быў (ср. лит. *Kòsto brólis*, белор. *брат Кю́сця*); Ага́ты хлеб (ср. лит. *Agõtos duona*, белор. *хлеб Ага́ты*) *ад пажара*; Олюса штаны́ (ср. лит. *Ålio kelnės*, белор. *штаны́ Олюса*); Привязáлі угóрышча скуру́ (ср. лит. *uñgurio óda*, белор. *скура́ угóрышча*) и т. п. Такая конструкция изредка встречается и в некоторых других белорусских маргинальных говорах, напр.: *Гражýля Кóлы* 'большая медведица', ср. лит. *Grįžulo rãtai* (Быстрица, Астровецкий р-н).

В говоре продуктивны также и конструкции родительного части и родительного цели⁴⁰, они широко известны в литовском синтаксисе и в редких случаях отмечены в белорусских говорах литовского пограничья⁴¹, напр.: (родительный части) *У нix* яблыкаў бы́ла уся́кix (ср. белор. *яблыкі былі уся́кix*, лит. *bùvo visókių obuolių*); Ёсць дрéных людзéй (ср. белор. *ёсць дрéнных людзéй*, лит. *yra piktų žmonių*); Прынёс грыбóў (ср. белор. *прынёс грыбы́*, лит. *pañnešė grūbų*); *У нас* такіх баб ёсць (ср. белор. *такія ба́бы ёсць*, лит. *yra tókių móterų*); (родительный цели) *Вéчарам* пайдú памідóраў (ср. белор. *пайдú на памідóры, за памідóрамі*, лит. *eisiu pomidórus*); Паляцéлі мукі *і купілі* (ср. белор. *паляцéлі на мукі, за мукóй*, лит. *pubėgo miltų*); Ён злез з рóвара я́гадаў (ср. белор. *злез на я́гады, за я́гадамі*, лит. *nušóko úogu*); Ён каня́ прышоў (ср. белор. *на каня́, за канём прышоў*, лит. *atėjo árkliai*) и др.

г. Калькирование некоторых форм вопросительного местоимения

В повседневном обиходе местоимение *кто* в говоре иногда используется и для обозначения неодушевленных предметов, напр.: *Кагó вы там éлі* (ср. белор. *што вы там éлі*, лит. *kã vãlgėte*); *Кагó ты там палажýла* (ср. белор. *что там палажýла*, лит. *kã padėjai*). Это несомненная калька местоимения *kas* литовского языка, в котором грамматическое деление имен существительных на одушевленные и неодушевленные не имеет места (ср. лит. *ka užmišė, kã pasãkė*, белор. *кагó убíлі, што сказа́лі*).

5. Выводы

Вышеизложенное дает основание полагать, что в образовании и развитии языковых черт исследуемого говора существенное влияние оказали факторы исторического прошлого: тесные экономические, языковые, культурные балто-славянские связи, а также языковой субстрат ассимилированного литовского говора на этой территории. При усвоении иной языковой системы на всех уровнях речи местных жителей сохранились элементы литовского говора, вызывая в новой языковой системе те или иные изменения.

³⁹ Ср. LKGr., t. 1, p. 188—190; t. 3, p. 185—191; Булыгина Т. В. Негагольные сочетания с родительным падежом в современном литовском литературном языке. — Славянское языкознание, 1959, с. 220—222.

⁴⁰ Ср. Е. Grinaveckienė. Kont., p. 225; LKGr., t. 1, p. 186, 188; Сивицкене М. Вопр., с. 11.

⁴¹ См. Гринавецкене Э. Й. и др. Нерэг., с. 96.

Отмеченные в статье диалектные явления служат убедительной иллюстрацией происходивших и происходящих в настоящее время в данном говоре языковых процессов среди двуязычного населения. В таких условиях наблюдаются случаи перенесения элементов одной микросистемы в другую, вытеснение и отбрасывание более непривычных, сложных языковых моделей путем замены их на более простые, привычные.

Все в статье отмеченные языковые явления могли появиться, на наш взгляд, путем подобного перехода языковых элементов из одной языковой системы в другую. В литовском говоре, говоре А, отсутствует переходное смягчение задненёбных. И лишь поэтому данная черта продолжает сохраняться и в белорусском говоре, говоре Б. В связи с тем и переходное смягчение задненёбных в сочетании с определенной флексией закрепляется в нем или будет закрепляться, по-видимому, в последнюю очередь, т.е. при совершенном усвоении белорусского языка. В литовском говоре существительные (а также все остальные имена и местоимения) с основой на *-a* в дат. пад. ед. ч. имеют окончание *-ai*. При переходе с литовского языка к белорусскому в белорусском говоре закрепляется синтаксическая модель беспредложного датива назначения. Одновременно трансформируется и закрепляется в нем и само окончание такого датива *-ai*. Поэтому в морфологическую систему белорусского говора (при возникновении белорусского языка на этой территории) проникает новая модель, которая, однако, для носителей этого говора является не новой, своей, привычной. В литовском языке различаются два рода существительных — мужской и женский (такая система нормативна для литовского языка), а в белорусском — три рода: мужской, средний и женский. Для исследуемого населения языковая система с тремя грамматическими родами — это более сложная система. Значит, лишь поэтому имеющиеся в белорусском говоре отклонения в употреблении грамматического рода в большей степени коснулись среднего рода. В литовском языке не различаются флексии формы глаголов настоящего времени третьего лица единственного и множественного числа (более простая система), в белорусском же названные формы имеют два окончания (более сложная система). Следовательно, элемент языковой структуры А переходит в структуру Б и продолжает в ней сохраняться, пока под влиянием белорусской литературной нормы и окружающих его говоров не произойдет коррекция.

По тому же принципу могли появиться (и, скорее всего, появились) и другие диалектные черты, отмеченные в статье.

Следовательно, специфику диалектных различий исследуемого говора, на наш взгляд, можно объяснить несколькими факторами:

1. Наличием тесных литовско-белорусских контактов как в прошлом, так и в настоящем.

2. Балтийским языковым субстратом. Часть литовцев были ассимилированы, а небольшие их группы еще и теперь существуют на территории говора в белорусском окружении.

3. Близким генетическим родством славянских (особенно белорусского) и балтийских (особенно литовского) языков при большой структурной общности в области морфологии, акцентуации, синтаксиса и семантики.